

26 ноября на очередном заседании семинара с докладом «Отвлеченная лексика в составе “Словаря русского языка XIX века”: эти неформальные “формальные слова”» выступила к.ф.н. В. Н. Калиновская (ИЛИ РАН).

Дифференциальный принцип формирования словника в «Словаре русского языка XIX века» дает новые возможности изучения динамических процессов в лексике, прежде всего потому, что наглядно демонстрирует словообразовательную активность в отдельных зонах лексической системы, «открывает» ее динамические звенья. Этот этап работы над словарем — формирование и анализ состава словника «Словаря русского языка XIX века» — выявил не только сохранение продуктивности тех словообразовательных моделей, которые категориально оформились еще в предшествующий период, но заложенные в традиционной словообразовательной базе семантические потенции. Исчерпаемость, конечность формы и относительная динамичность семантических превращений в данном случае подтверждают справедливую мысль академика Вяч. Всеволодовича Иванова, высказанную им в публичной лекции (телевизионный цикл «Academia»), о первичности формы по отношению к содержанию.

В общем количестве лексических новообразований, выявляемых путем дифференциального анализа динамики словарного состава русского литературного языка на протяжении XIX века, *отвлеченная лексика*, в частности существительные на *-ость* и *-ство*, составляет значительный по объему пласт слов, которые станут предметом описания в «Словаре русского языка XIX века». В сравнении с началом века число подобных слов-понятий возросло неимоверно. Их возникновение явилось результатом действия множественности факторов как собственно лингвистических, так и лежащих вне плоскости языка. Объяснение преимущественному положению таких слов в ряду лексических и лексико-семантических новообразований русского языка XIX века, очевидно, следует искать также в общем устремлении языка к большей абстрактности. Отмечая эту тенденцию в развитии литературного языка, Я.К. Грот уже на исходе века писал: «Везде язык, по мере своего развития в образованной речи, более и более дает перевес отвлеченному мышлению над наглядной изобразительностью» [Грот 1876: 16]. Эта важная мысль автора и редактора известного академического словаря находит подтверждение в организации структуры словаря и представлении в нем лексического материала, где определяющую роль играл фактор системности: практически любое качественное прилагательное имеет шанс произвести существительное абстрактной семантики на *-ость*. Однако, как нам представляется, сделанное замечание, упирая на «техническую» сторону вопроса, не дает ответа на вопросы, связанные с причинами

появления и механизмами образования тех или иных конкретных слов и групп слов, объединяемых не по формальному, или не только по формальному, признаку (например, тематическому).

В отношении «формальных» слов Ю.С. Сорокин, подводя итог наблюдениям за развитием словарного состава русского литературного языка XIX века, в Заключении своего фундаментального исследования обозначил важнейшие тенденции их эволюции: а) приобретение самостоятельности многими, так называемыми «формальными», словами (например, производные на *-ость*, *-ие* и др.) в результате появления у них сначала особых лексических значений, а затем и новых лексических гнезд; б) семантические изменения во многих словах русского языка, которые сообщали слову «новую жизнь», переводя его «в новую понятийную сферу», «расширяли сферу его применения, фразеологическую активность» [Сорокин 1965: 541–542]. Такими выводами ученый, по сути, заостряет внимание последующих исследователей на проблемах взаимосвязи формального и семантического словопроизводства, и если с позиций формального словообразования (особенно, что касается способов морфемного словопроизводства) неологические процессы в лексике интересующего нас периода изучены достаточно хорошо, то осознание необходимости изучения семантически мотивированных способов и моделей словообразования пришло не так давно и продолжает сохранять свою актуальность.

В теоретическом плане проблема семантической мотивации в словообразовании ставилась неоднократно, освещалась лингвистами с разных точек зрения; на данном этапе открытость темы в связи с нерешенностью многих вопросов становится поводом к тому, чтобы по-новому, с позиций складывающейся научной парадигмы подойти к проблеме интерпретации лексического материала – примером служит статья С.М. Толстой «Мотивационные семантические модели и картина мира» (Русский язык в научном освещении. 2003. № 2), где в попытке дать новую интерпретацию накопленному фактическому материалу мы бы выделили две методологические составляющие, а именно:

1. Антропоцентрическая составляющая языковой динамики лексико-семантических процессов.
2. Системность как фактор и результат лексико-семантической динамики.

В качестве иллюстрации их взаимосвязи приведем две цитаты (выделения шрифтом мои. – В.К.):

...Мир человека, отраженный в слове, требует умения взять предмет субъективно, а этого умения по-прежнему очень и очень недостает не только языковедам, но и всем, кто занимается сферой духа. **Слово отражает не обстоятельства бытия как таковые, а осмысление и**

изменение бытия людьми. С этим нелегко примириться, еще труднее конкретно работать, но таково наше дело.

Б.И. Осипов. Размышления о русском слове.

Реконструкция *истории* значений *отдельного слова* не мыслима вне связи ее с *историей лексических систем*, которые ... недостаточно ясно очерчены для современности.

В.В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография.

Если первое высказывание настраивает современного исследователя, работающего в условиях «лексического возмущения», характеризующего языковую ситуацию последних десятилетий, на изучение актуальных явлений в лексике и семантике, обусловленных человеческим фактором, то во второй цитате обращается внимание на отражение закономерностей развития системы языка в целом в конкретной истории ее отдельного звена.

Ю.С. Сорокин писал, что в процессе семантических изменений — именно они во многом определяли содержание и характер эволюции лексико-семантической системы русского языка в XIX веке — сформировалась *существенная черта русского слова* — его *семантическая* и *стилистическая определенность*, или, точнее — «*склонность*», *тяготение* к ним [Сорокин 1965: 543]. Последнее замечание, несмотря на его нераскрытость, представляется не менее существенным, чем выделение основной черты.

Данный тезис, сформулированный лингвистом, заставляет сосредоточить исследовательский интерес в большей степени на проблемах семантики слова при изучении словообразовательных процессов в русском языке XIX века (которые с формальной точки зрения описаны достаточно полно и последовательно, за исключением решения проблем «мотивации» и «мотивированности», понимаемых, главным образом, формально). Приведенное высказывание вкупе с обозначенной Ю.С. Сорокиным тенденцией к самостоятельности так называемых «формальных слов», по сути, открывало перспективы новых направлений и подходов в лексикологической теории, указывая на взаимообусловленность словообразовательных (производящая база), семантических (основания для метафорических и метонических переносов) и стилистических процессов (энергетика слова вследствие «семантического напряжения»), на цельность словообразовательной системы и непрерывность словообразовательного процесса.

Все выше сказанное подводит нас к тому, чтобы обозначить приоритеты в изучении лексического материала, составляющего предмет описания в историческом словаре русского языка XIX века. Следует отметить, что принципы семантического анализа и лексикографического

описания отвлеченной лексики частично реализованы в исследованиях отечественных лингвистов (В.В. Веселитский, Ю.А. Бельчиков, Ю.С. Сорокин и мн. др.). Наиболее изученными в системном отношении оказались отдельные тематические группы общественно-политической лексики и некоторые слова общелитературного характера.

Повторим, что, как показал анализ словника, слова отвлеченной семантики с суффиксами *-ость* и *-ство* составляют заметную часть лексической неологии XIX века. Перед лексикологом стоит задача описания достаточно неоднородного с точки зрения семантической производности материала, в том числе еще не охваченного исследователями; кроме того, историко-культурная составляющая словаря (которой в Проекте определена важная роль и которой оправдано его назначение) обязывает нас обратить особое внимание на проблему интерпретации лексического материала с учетом вызовов современности, определяемых его культурно-исторической значимостью. В отношении отвлеченной лексики оказывается уже недостаточным объяснение появления конкретных слов интенсивностью номинативных процессов в тот или иной исторический период времени под действием тех или иных экстралингвистических факторов. На первый план, как уже было сказано, выходит проблема семантической мотивации, или мотивированности как для отдельных слов, так и для групп лексики, что позволяет говорить не о единичности деривационного акта, а уже о системности процесса словопроизводства.

В уже упоминавшейся работе С.М. Толстой была сделана попытка разобраться с понятиями и терминами «мотивация (мотивационный)», «мотивировка», «мотивированность (мотивированный)»; автор сосредоточивает внимание на таких конкретных вопросах, как необходимость разграничения понятий «мотивированность значений» и «мотивированность слов». Однако этим не исчерпывается содержание статьи, в ней исследователь указывает на возможности применения понятий, обсуждаемых в теоретическом плане, к исследованию конкретного лексического материала. Так, отмечая факт недостаточной изученности тематических групп лексики, С.М. Толстая видит перспективы дальнейшего их исследования в признании «полисистемности» семантических и тематических полей. Затронутая автором статьи проблема, естественно, в первую очередь, решается в связи научными интересами автора — на славянском лексическом материале, тем не менее теоретический характер постановки проблемы, важность выводов, например, такого, как вывод о необходимости изучения так называемых «внешних» *мотивационных моделей*, анализа семантических полей с точки зрения их *мотивационных потенций* (вопросы, которые и в теоретическом, и в практическом отношении почти не привлекали

внимания исследователей), позволяет применить обозначенные параметры анализа лексики и лексических систем в приложении к любой эпохе.

Значительный интерес в этом отношении может представлять не только конкретно-предметная лексика, но и слова с отвлеченным значением, или слова-понятия (в силу специфики своей семантики), например, отвлеченные слова на *-ость*, образованные от относительных прилагательных, развивших качественное значение в XVIII веке, продолжение этой тенденции наблюдаем и в XIX-ом (кстати, регулярность модели выражается и в возможности обратной перспективы деривационных связей). Среди новаций с суффиксом *-ость* можно выделить отдельные группы слов, объединенных (типологически) по принципу общности характера мотивационных отношений.

В качестве конкретного примера «естественной последовательности “шагов” формирования понятий» одного порядка приведем лексические новообразования XIX века на *-ость*, ведущие свое начало от существительных с общим значением ‘какое-л. помещение особого назначения’: *казарма* → ... *казармность* (у Лермонтова) / *казарменность*, *кабинет* → ... *кабинетность*, *келья* → ... *келейность*, *салон* → ... *салонность* и т. п. Производные этой группы формируют семантическое поле, вербализующее набор признаков или свойств, характеризующих образ жизни конкретной общности людей, их культурное пространство (если быть более точными, то и его искажение), определяемые условиями существования («средой»). Понятие «среды», являющееся одним из ключевых для XIX века, также нашло вербальное воплощение в семантических неологизмах того времени, таких, как *воздух*, *атмосфера*, *климат* (сюда же можно отнести и *почва*) и их производных (интересные наблюдения относительно мотивов появления глагола *оклиматтизировать* были сделаны в исследовании О.А. Старовойтовой, сотрудника нашей группы). Само слово *среда* в этом актуальном, новом для него значении, связанном с основным значением ‘середина’, оформилось в XIX веке. «Внутренняя форма» слова обнаруживает свое присутствие в значении *среды* как обстоятельство формирования типа социальной личности в ее усредненном варианте.

По наблюдениям лингвистов, потенции к семантическому изменению заложены в особых условиях функционирования слова. Это касается, прежде всего, элемента нового, попадающего в системную среду чужеродной ментальности (В.В. Колесов). В этом случае новая категория неизбежно претерпевает изменения. Можно заметить, что у большинства из приведенных слов производящая основа — это заимствования XVIII века, за которыми стоят номинации новых культурных реалий. Постепенно эти заимствования входят в систему русского языка, обрастая деривационными связями, первый шаг на пути к этому — развитие относительных прилагательных, второй — осмысление новой реальности,

которое выражается в развитии типичной для века лексической сочетаемости прилагательного (здесь мы опускаем анализ подобных примеров). Примеры *употребления* слова в различных контекстах указывают на источник повышенного «*семантического напряжения*» (В.В. Колесов) и, соответственно, повышенной энергетики текста — существенное различие семантики слов в рамках словосочетания, что, собственно, и служит поводом к семантическому изменению (накопление референтных признаков-сем в слове при сохранении концептуальных и коннотативных), которое ведет к новому слову (семантическая деривация, формирование семантически мотивационной модели).

Изменения в сочетаемости относительного прилагательного подготавливают переход его в разряд качественных и затем на следующую ступень деривации — образование отвлеченного существительного. Рассмотренная нами лексика образует группу слов с социально- и культурно-значимой семантикой, о чем свидетельствует открытость данной семантической модели (объективность наших наблюдений доказывается фактами, добытыми в результате поиска в Национальном корпусе русского языка и других интернет-ресурсах). Реконструкция подобных семантических мотивационных моделей позволяет объективировать существующие в языковой картине мира важные понятия; также — с иной стороны, подойти к решению таких проблем в осмыслении лексической неологии, как проблема окказионализмов или так называемых «потенциальных слов». В качестве примера соответствующей словообразовательной модели «в действии» приведем уже рассматривавшееся нами ранее (в одной из статей) слово *берложность*, возникшее в результате актуализации семантики производящей основы — качественного прилагательного *берложный* ‘обособленный или обособившийся’ (это значение просматривается в употреблениях авторов XIX века – например, у В. Даля, А. Герцена) в публицистическом тексте XX века: *Видимо за попыткой <России> догнать и перегнать Запад должен быть зигзаг обособления в себе, берложности — и переваривания проглоченного. Что-то подобное было и в истории Японии* (Г. Померанц. Сон о справедливом возмездии. 1980).

В связи с изложенным весьма продуктивной нам кажется мысль о возможном выделении семантических мотивационных моделей (см. статью С.М. Толстой), существование которых может быть обеспечено даже одной лексемой, поскольку она может быть вербализована в любой момент речи в связи с его актуальностью.

Рассмотренные существительные на *-ость*, находящиеся в составе одной группы, на одном семантическом поле, представляют интерес в лингвокультурологическом аспекте как носители определенного «кода», который заключен в производящей основе каждого из них (*берлога* — *келья* — *казарма* — *кабинет* — *салон*).

Наличие социокультурного компонента в семантической структуре слов, образующих данную группу, становится также основой продолжения деривационного процесса — формирования на этой основе части структуры сложного слова (*казарменно-, кабинетно-, салонно-* и т. д.).

Рассмотренная лексика являет собой всего лишь незначительный фрагмент лексико-семантической системы в огромном количестве новаций данного пласта слов. Все они принадлежат к числу социо- и культурно значимых единиц словарного состава русского литературного языка XIX века, сохраняющих свою информативность и актуальность для современности.

Литература

Грот Я.К. Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля // Филологические разыскания Я. Грота. Второе, значительно пополненное издание. Т. I. Материалы для словаря, грамматики и истории русского языка. СПб., 1876. С. 1–60.

Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30-90-е годы XIX века. М.; Л.: Наука, 1965.